

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
ПРАВЫ

БАНДИТ,
БАТРАК

Жестокие нравы

Надежда Нелидова

Бандит, батрак

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Бандит, батрак / Н. Нелидова — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», — (Жестокие нравы)

«Грубый век. Грубые нравы! Романтизму нету».

© Нелидова Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Ты – мне, я – тебе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Надежда Нелидова

Бандит, батрак

Ты – мне, я – тебе

– Ой, ноженьки мои, ноженьки! К концу смены гудом гудут, ноем ноют. Только и дашь поблажку на конечной остановке. Забросишь их, опухшие, распаренные, на соседнее сиденье, скинув сланцы. А чаще и не скинув.

Народ – свиньи. («Швиньи», – шамкает одна бабушка-дачница, берущая штурмом, дерущаяся за свободное место). Бросают на сиденья запачканные сумки, шмякаются грязными огородными задками. И насрать, что после них чистая публика сядет...

Ноги мои, ноженьки, ластоньки мои бескрылые! Плотные аптечные чулки для вас – как мёртвому припарки. В других городах, ведаешь: пассажиры сами к кондуктору подходят, оплачивают проезд. Чудеса в решете! Потому понимают: кондуктор за смену натопчет километров тридцать. Для него каждый шаг как чугунный. А им, в свежинку, в прохладцу, в охотку – чего пару шагов не ступить?

Только не верю я. Вот ехал бы в автобусе нашем губернатор или мэр, или знаменитый артист... Все бы повскакали: «Ах, ох! Автограф пожалте». А что им наш брат кондуктор... Не велика птица: обслуга, чего изволите, пшёл вон...

Вон компания подростков ввалилась: гомонят, гогочут. Протопали мимо меня берцами в самый конец автобуса, развалились, дурные журавлиные ноги в проходе раскидали. Руки бы у них отсохли, мимо проходя, расплатиться?

Нет, тётка, тащись через весь автобус, обслуживай. Они сидят – ты стой, переминайся, как лакей. Жди, когда они нарочно неспешно по карманам шарят, копеечки выуживают. А ничего, что тётка за смену курсирует за смену раз триста туда-сюда?

Раньше-то я на стройке ломила, штукатуром-маляром. Работа ничего, прибыльная. Когда красочку там, лак, клей импортный налево толкнёшь. Прораб: «Р-р-ры!» – а я ему: «Что я, жру твой лак?!»

Но двадцать лет назад врачи грыжу нашли, посоветовали лёгкий труд. Пришлось распрощаться и со штукатурками, и с малярами. Взяла газетку вакансий. Меня одно объявление в газете завлекло, чисто стихи. Видно, поэта для рекламы привлекли:

«Ты должна прекрасно выглядеть!

Ты должна быть «железной леди»: улыбаться, даже когда хочется кричать и плакать!

Ты должна быть выносливой как гранитный камушек. В самые свирепые эпидемии оставаться неуязвимой, находясь в крохотном замкнутом пространстве мчащейся «капсулы»!

У тебя должна быть великолепная зрительная память: запоминать с первого взгляда проходящих мимо сотни людей!

Ты должна быть кристально честной, так как будешь иметь дело с материальными ценностями.

Ты должна ослепительно выглядеть! Впрочем, полгода работы у нас сделают тебя стройной как чинара!»

Молодая была, заинтриговало то поэтическое объявление. Кого, думаю, набирают? Космонавтов? Резидентов, Штирлицев? Служащих в банковские ячейки? Стюардесс?

Оказалось, господи прости, кондукторов на внутригородские рейсы. А материальные ценности – это засаленная кожаная сумочка с пятками. А мчащаяся замкнутая капсула – раздрызганный маршрутный автобус.

– А вы и есть стюардессы! – с жаром принялась меня вербовать женщина из отдела кадров АТП. – Только те в небе, а вы на земле. Мы вам и униформу пошьём: голубенькую, с серебряными крылышками.

– Тогда уж с серебряными шинами шейте, – говорю.

В ту пору, в девяностые, это дело новое было. Ну, как новое: в середине прошлого века катались в общественном транспорте кондукторши.

Потом их контролёры заменили, хватали «зайчиков» тёплыми на выходе. Водитель сам продавал книжечки такие, по двадцать талончиков. Много продаст – премию получит. В автобусах зубастенькие железные коробочки развесили: компостеры. Отсюда выражение появилось: «Ах, не компостируйте мне мозги».

Смех и грех, меня больше соблазнило обещание про стройность и чинару. Я уже тогда аппетитный поросёночек была. А чем чёрт не шутит: возьму и похудею. Даже модные журналы советовали: «Ваши походка и осанка станут грациозными и изящными, если в автобусе во время поездки вы постараетесь удерживать равновесие, не хватаясь за поручень». А тут не одна поездочка, а десять кругов каждый день придётся наматывать.

Правда, не помогла мне эта гимнастика. Вишь, как разнесло. Но приноровилась, просачиваюсь, протекаю ртутной капелькой в проходе. Стиснутые пассажиры только охают, попискивают и возмущаются, что таких толстух набирают в кондукторы. Уволить, мол, меня надо за профнепригодность.

Какие мы нежные. Ничо-о, не в международном самолёте летите, потерпите. Не нравится – ездите в такси.

М-да... Вот он, лёгкий труд. Спящего на заднем сиденье здорового бомжа растолкала и еле выпроводила – теперь из салона кислую вонь за всю смену не выветришь.

Пока с ним возилась, одна старая клюшка кассету с яйцами на сиденье опрокинула. Нашкодила – и бочком, бочком к выходу. Я её перехватила в дверках – она двинула локтём в мой больной пах – и выкатилась горошком. Вон они какие, тренированные, нынешние пенсионерки.

Я-то до пенсии точно не доживу. Вся на нервах, работа пёсая. И в паху ноет и ноет – надо бы до больницы добраться, да всё некогда. Время летнее, отпускное, некого на подмену поставить.

Из салона несёт адским пеклом, как из раскалённой духовки. Кажется, брызни дождик – обшивку зашипит. Но дождика нет – и места свободного в автобусе нету. Народу битком – а бабкино сиденье пустует. Понятное дело, никто на растёкшиеся желтки садиться не хочет.

– Кондуктор, почему у вас кресло грязное? Почему в автобусе вонь, как в бомжатнике? Ваша прямая обязанность – поддерживать в салоне чистоту и порядок!

– А ваша обязанность, – огрызаюсь на шибко грамотных пассажиров, – соблюдать в салоне чистоту и порядок. Я, что ли, насвинячила? Ваш же брат пассажир. Мне бы зайцев успеть обилетить.

О, зайцы, это отдельная поэма! Мальчишечка один, школяр, пристрастился бесплатно ездить. На свой страх и риск пару раз закрыла на него глаза. На третий легонько к выходу подтолкнула: «Кто за тебя, Филиппок, платить будет? Дядя Ваня Мичурин?»

Так весь автобус на меня набросился. Господи, господи: их бы воля – живьём сожрали. Ох, зол человек пошёл. Ей Богу, будто моих пассажиров в целях эксперимента год держали в клетке и озверином кололи. А потом тот опытный загон отомкнули и всем скопом – в мой автобус.

Да как я посмела на маленького, да небось верзилу бы не вышвырнула, да только и умеете с о старыми да малыми воевать. Да вон у него какой огромный рюкзак: бедняжечку за ним

не видно. Да протащить эту кондукторшу в газете, да в интернет её на всеобщий позор, да распни, ату её!

Тут я крепко испугалась, потому что у нас в АТП инциденты были. Напарница Вера отправила одну безбилетную молодайку пройти остановку пешочком. А молодайка и окажется беременной: под шубой-то не видно!

А на улице, как на грех, минус восемнадцать. Так эту историю месяц на первых телеканалах во всей эРФэ тёрли-обсасывали. Как будто других новостей у нас уже и нету, кроме этой новости № 1, и во всём остальном сплошной рай и коммунизм.

На все телешоу подряд вызывали и молодайку, и Веру эту несчастную. Один старик из зрителей затрясся, клюкой замахнулся и ей в лицо плюнул. И вся студия – ну аплодировать стоя, прямо овация. Прославили бедную Веру на всю страну. Нашли овцу отпущения.

Вера на первом этаже живёт, так какая-то молодёжь, активисты, у неё окна камнями перебили. Всю ночь скандировали:

– Фа-шист-ка! Фа-шист-ка!

А она, между прочим, одна троих детей поднимает. И обнаружь контролёры в её автобусе «зайца» – вычли бы из Вериной зарплаты штраф, как у миленькой. Как хочешь, так и мечись между двумя огнями.

Начальство вызвало и сказала:

– Всё понимаем, Вера, но увольняйся. Нам такая слава не нужна.

Именно после Веры у нас в АТП штатный психолог появился. И вот, как тот психолог учил, я разумно и вежливо говорю:

– Граждане и гражданочки, рыбы мои, ведь меня за этого ребёнка оштрафуют, мама не горюй.

Так один молодой человек по карманам начал шарить – долго так, с издёвкой, показательно шарил, чтобы все видели. Наскрёб мелочь – и мне с размаху в лицо: «Подаvisь, мол». До сих пор в глаз левомицетин капаю – пятирублёвиком попало, краснеет и слезится. М-да, народ – швины.

Говорят, жульничает, мухлюет с билетами наш брат кондуктор... А я так скажу: это разве жульничество? Да по сравнению с тем, как *наверху* воруют – это ж мы сявки жалкие. Это нам как молоко за вредность.

Скрывай – не скрывай – а все кондукторы уж с утра знают, на какой линии и в какие часы будет лютовать контроль. Сарафанное радио донесло: до обеда на маршруте чисто.

На животе у меня рулончики билетов. Я делаю вид, что отрываю от рулончика, а сама с треском рву припасённый в рукаве угол газеты и выдаю пассажиру использованный билет. Этих билетов полная железная урночка при выходе – пригоршней черпай. Ещё немного – и смене благополучный конец.

Успела, а то со встречного маршрута Валентина сигнализирует: контролёрши поменяли дислокацию, перебежали на мой маршрут. Без рабочей солидарности в нашем деле никак.

Ох, кормилицы, ноги мои, ноженьки! Опять на обед заработали. А я вас за это дома прохладную ванночку наведу, ментоловой мазью намажу, в капустные листья оберну. Заброшу на валик дивана, на подушки – и сериал включить: лучшее снотворное.

Но это вечером, а сейчас на конечной остановке – сделаю массаж. Шофёр Коля из кабинки высунул смеющееся потное лицо, нос картошкой:

– Давай тебе профессиональный массаж сделаю! Гарантирую: понравится!

Я ему устало кулаком погрозила:

– Много вас, охотников! У тебя жена есть – ей делай!

Хороший он водитель, Коля. И человек хороший, лёгкий. От того, с кем работаешь, очень настроение зависит. И психолог говорит:

– У вас работа публичная. За окном может быть пасмурно и холодно. А у вас в салоне чтобы всегда солнышко светило. И солнышко это – вы.

Ещё бы нормальной зарплатой то солнышко подзарядить. Одна ядовитая дамочка ткнула тощим, острым наманикюренным пальцем в мою грудь, уязвила:

– Ваша профессия жалкая и унижительная, – говорит. – Всю жизнь с протянутой рукой.

Я не обиделась, легко согласилась:

– Да, матушка, с протянутой. Но ведь для вас же, не себе в карман.

Взрослые – они как дети, только взрослые. Чуть что, капризничают, топают ножками, всяко обзываются. Обманывают наивно, по-детски.

Вон тощая пассажирка, моя ровесница, зыркнула цыганистым глазом. Отвернулась к окошку, бросила сквозь губу:

– Льготный проездной.

Я культурно попросила её предъявить пенсионное удостоверение. Снизолла, показала высунутый из кармана уголок книжицы. Я – хватать книжицу. И что?! Старый комсомольский билет! От шкрыдла!

Пассажирка, сверкая дегтярными глазами, оправдывалась, мол, кошелёк дома забыла. Что, дескать, развалится автобус, если её три остановки провезёт?

Не развалится, матушка. Ну, да и ты не развалишься, если ножками эти три остановки протопашь. Ну, люди! Разве придёт им в голову зайти в магазин и цопнуть буханку хлеба даром? На том веском основании, что кошелёк забыли, а магазин без одной буханки не развалится и не обеднеет?

И опять весь автобус против меня взбунтовался. Тоже пассажирская солидарность. Чего только в свой адрес не услышала. И что зверствуем, что только и знаем цены на проезд поднимать, а по маршруту бегают древние развалюшки. Ладно, Коля в микрофон пригрозил тормознуть. Дескать, с места не сдвинется до тех пор, пока буча не прекратится.

А пенсионерка, ссаживаясь, обозвала меня напоследок жабой, жирной пучеглазой. Так и живём.

На крылечке Любу уже ждали приبلудные кошки. Встали, нервно, волнами подёргивая спинками и хвостами (драгоценные шкурки переливались), тёрлись о Любины ноги. Ждали завтрака: копчёных обрезков, колбасных хвостиков, лужицы молока из прорванного пакета.

На каком бы месте ни устраивалась Люба – о том тут же прознавали все местные бродячие кошки. Глядь: опять у неё сытенько нежатся под прилавком, пузами кверху.

Сколько Люба через них получала нагоняев и даже штрафов от санитарной службы. А как их выгонишь?! Живые ж души! Вот у тех, кто кошек заводит и потом выбрасывает – души чёрные, как дёготь. И бродить им на том свете вечно бездомными кошачьими тенями.

Если бы Любу спросили, что в человеке первично: корысть и зло – или доброта, щедрость и совесть (слова «альтруизм» она не знала) – она бы ни на минуту не усомнилась. Конечно, добро и совесть.

Человек изначально рождается абсолютно, кристально честным и совестливым. Это уже потом нарастает всякая накипь, плесень.

Иначе почему, если человек нечаянно оставит на прилавке покупку или кошелёк – первым Любиным произвольным, автоматическим, инстинктивным порывом бывает крикнуть:

– Гражданин рассеянный, ничего не забыли?

– А?! Что?! – испуганно дёргается гражданин.

Тут ему и снисходительно вручается находка. Хотя свидетелей нет: можно равнодушно смахнуть в карман – и морду валенком: поди докажи. Видеокамеры нет, не додумались ещё,

слава Богу. А ведь не раз и суммы солидные в разбухшем от купюр кошельке оставлялись, и серёжки золотые падали. Но срабатывает природная честность.

Обвесы, обмеры, обсчёты – это не в счёт, это другое. Это испокон веку заведено, вроде игры между продавцом и покупателем. А не будь лапшой, держи ухо востро!

И то, когда юная Любаша пришла в торговлю – первым-то жестом было сдачу вернуть сполна, товар взвесить до грамма. Понадобилось время, чтобы заматереть, попривыкнуть, усыпить в себе её, непрошенную честность. Перебороть, перешагнуть через себя, сломать, совершить над собой насилие, сердцу обрасти шерстью. Густой и чёрной, как на хозяине фруктовой палатки Алике.

Но ведь эта-то ломка как раз доказывает, что в человеке изначально заложено хорошее, честное. Портят его жестокие обстоятельства. В Любином случае обстоятельством был хозяин фруктовой палатки Алик. На вопрос молоденькой продавщицы о зарплате гортанно рассмеялся: «А сколько за дэнь *свэрху* сдэлаэш – всё твоё».

После Аликовой фруктовой палатки Люба много где работала в системе торговли. Условия там были не такие дикие и средневековые. Соглашалась только на белую зарплату и полный соцпакет. Жила, училась, познавала маленькие профессиональные лукавства.

Допустим, на развесе, прежде чем паковать сахар-песок в мелкую тару, оставляла рядом с раскрытым мешком ведро воды. Через сутки ведро было сухим – а сахар значительно влажнел и тяжелел. Потому – продукт ги-гро-ско-пич-ный! Химию надо в школе учить, граждане!

Или просроченные ценники перепишет – это само собой, классика жанра. Или срежет со списанного сыра пушистую зелёную плесень – и обратно его на прилавок.

В кулинарном магазине, грешна, мухлевала с одноразовой посудой. Выбирала из корзины немятые использованные пластиковые тарелочки и стаканчики, не сломанные ложечки и вилочки. Споласкивала под краном – а чаще и не споласкивала – и снова в дело.

Спасибо Митрию Анатоличу, родимому. За его «хватить кошмарить бизнес» – торговля, общепит и разная прочая фармация – должны ему из золота памятник в полный рост отлить.

Ему что: сказал, как в лужу дунул. А сколько народу было, есть и будет одурачено, облапошено и отравлено, когда и насмерть... Это ли Любе не знать. И-и-и, кто его считал, обиженный народ-то.

А самый-то главный двигатель торговли, не только торговли – прогресса! столп мироздания! – это свято соблюдаемый принцип: «Ты – мне, я – тебе». Делиться надо уметь, граждане: с кем надо, когда надо и сколько надо, засекайте себе на носу. И тогда всё будет в шоколаде.

Люба всегда имела в день рублей триста-пятьсот притошки. Иначе и день прожит зря. А всё ради кого? Всё ради света в окошке, исключительно ради любимой и единственной внучки Анечки, худенькой черноглазки, в бабушку. Вместо папки в свидетельстве о рождении прочерк. Мамка усвистала с кавалером. А Анечка выросла устойчивая, строгая и ответственная, в бабушку.

По бабкиным торговым стопам не пошла. Выбрала работу хлопотную и безденежную: медсестрой в хирургии. Глаза вечно красные, воспалённые, не выпавшиеся, под ними тёмные полукружья.

В первое время страдала, убивалась, плакала втихомолку, с каждым пациентом болела и умирала. Потом вроде попривыкла. Люба сделала вывод: чтобы стать профессионалом с большой буквы – всегда нужно перешагнуть через себя, зачерстветь, ожесточиться. Немножко дать коже – задубеть, сердцу – обрасти шерстью.

Анечка простодушно радовалась золотым серёжкам, новому пальто и красивым дорогим сапожкам. А откуда бабка берёт деньги – ни к чему ей знать, пачкаться в эту грязь.

Не от мира сего: вся в работе, в своей больнице, в своих стационарных пациентах. Читает толстые книжки – собирается поступать в медицинскую академию. Хочет стать хирургом, как Сергей Ильич. Он для неё первый кумир и авторитет на свете. Дома только и щебечет: «Сергей Ильич пожурил...» «Сергей Ильич в пример всем поставил...»

Оперяйся скорей, ластучушка, и лети навстречу своему счастью. Всё ради тебя, милая. Вот неужели Люба не заработала себе на такси, чтобы проехаться с ветерком в прохладе? Но она садится в раскалённый, битком набитый автобус, а если повезёт – и задаром прокатится. Копеечка к копейке – рубль: Анечке на будущую учёбу.

Ехать на работу три долгих остановки. Чаще удавалось прошмыгнуть зайчиком: Люба маленькая, худенькая, в невзрачном платице. Сразу ныряла на свободное место, прикрывалась журнальчиком или отворачивалась к окошку.

Сегодня кондукторша попалась вредная, пристала как банный лист. Сама толстая, глаза пустые, выпуклые, стеклянные. Жаба. У такой проси – не проси, на коленки становись – не сморгнёт. Для этих случаев Люба имела в кармане комсомольский билет, где на фото она сама: ещё девчонкой с озорными косицами.

Люба уже на пенсии, дважды в месяц густо чернит седину. А вышвырнули из автобуса с позором, на виду у добрых людей, как ту девчонку с комсомольской фотокарточки.

Так вдруг стало обидно. Кто она, кошка безродная, что жизнь пинает и пинает её под задницу? Очень, очень обидно.

По ту сторону прилавка замаячил, завихлялся очередной тип. Намётанным взглядом видно: трубы горят. А сам, видно, блатной, только из отсидки. Лоб страдальчески сморщен мелкой гармошкой. Лицо обтянуто синюшной кожей. Глаза круглые, вытаращенные, испуганно-отчаянные. Как будто увесистый кабачок в задницу с размаху вогнали, а обратно вытащить забыли.

Вот сейчас надрывно рванёт пиджак: «И-эх, ды скока я порезал, скока перерезал. Ды скока душ погубил...». Рот беззубый, проваленный, как у старика – а сам молоденький.

Анькин ровесник, поди. Только девчонка вкалывает сутками – а этот шпендрик синий от татушек. Приплясывает, пританцовывает от нетерпения, только что чечётку не бьёт. Ишь, приспичило.

Круглые блёклые глаза стреляют туда-сюда, в поисках чего стырить. Люба, на всякий случай, глубже задвинула ящичек в кассе. Водку ему подавай. Счас, разбежался.

– После десяти не отвариваем.

Шпендрик завибрировал, задохнулся от возмущения:

– Дык, ещё три минуты до десяти! Быстрей, а, тётька?!

– Паспорт.

– Бли-ин, тётька, да мне двадцатник стукнул.

– Паспорт.

Шпендрик тоненько завыл: «Уй-ю-юй! Без ножа режешь, тётька».

Племянничек выискался. Люба листала занюханный паспорт (потом не забыть руки помыть, ещё лобковую вошь или какую другую пакость подцепишь). Делала вид, что вчитывалась в потрёпанные страницы. Как кондукторша сегодня – в Любин комсомольский билет.

Краем глаза наблюдала за настенными большими круглыми часами. И когда долгая стрелка подползла и вздрогнула на 12, удовлетворённо захлопнула паспорт:

– После десяти не отовариваем.

Ныка (откинувшийся со срока на днях) вразвалочку шагал по центральной аллее парка и энергично общался с дружбаном по мобиле. В разговоре Ныка использовал ненормативную лексику привычно, как междометия, для связки слов.

Конец мая, деревья в болотно-зелёной жиденькой плесени, пахнет сладкой гнилью... Июнь, а уж жарко. Ныка расстегнул курточку: хороша свобода-сука! Вот и корешка по телефону нашёл, а с ним хату и хавчик.

Общаясь, Ныка не без удовольствия заметил, что вокруг него образовался вакуум, пустое пространство. Гуляющие под ручку пенсионерки, молодые девчонки с колясками – торопливо, кто испуганно, кто брезгливо, обегали и объезжали его. Его конкретно боялись.

Это Ныке понравилось. Он прибавил звук на полную мощность. Сыпал срамными словами уже весело, беззубо щерясь, оглядываясь и отмечая реакцию окружающих.

Там, на зоне, не было существа забитее и пуганее Ныки. Питался на полу у двери. Столом служила полусгнивший, воняющий мочой деревянный круг. Каждый раз после обеда он его оттаскивал в уборную и закрывал им унитаз, как крышкой.

Вместо полотенца – половая тряпка из мешковины. Ложка чудная – деревянная штукovina, на одном конце выдолблена выемка-черпачок. Им Ныка зачёрпывал суп и кашу. Туда любой мог плюнуть, сморкнуться или ещё чем похуже опростаться. Другой, толстый округлый конец был скользок от вазелина. Как Ныка его ни отмывал под краном, вонял калом. Для раз-работки.

За что сокамерники столь жестоко обошлись с Ныкой, за какие дела он вообще загремел на зону – не играет значения и не имеет роли. Совать нос в чужие дела, знаете... Ныка сам пострадал за любопытство: кончик носа у него был срезан бритвой по касательной, розовел молодым нежным шрамом.

Даже отрядная любимица, пушистая кошка шарахалась и брезгливо огибала Ныку за метр: иначе последует жестокая порка за уши.

Ныка шёл по пустой аллее, кум королю. Понтово выбрасывал кривоватые тощие коленца в фасонистых брючках, лыбился голыми розовыми дёснами, матерно шамкал в трубку, распу-гивая народ. Он, жалкий Ныка, был хозяином аллеи. А раз аллея центральная в городе, то и, считай, хозяином города!

Хорошо! Улица – моя, дома – мои!

Навстречу шла молодая семья: спортивный парень, молодая жена, совсем соплюха зелёная, ковылял на толстенных ножках ребёнок лет трёх.

Все трое омерзительно чистенькие, по-летнему в светлых футболках, в кипенно-белых шортах. Видно, что жизни не нюхали.

Ныка поддал в голос громкости, блудливо скользнул глазом по гладкому розовому бедру девчонки. В тему выхаркнул в мобильник особенно грязное словцо. Типа, шалашовка отпадная мимо шлэндрает... Жопка ништяковая, кругленькая... Отыметь бы её... В жопку-то круглую.

Краем глаза видел, как сжались кулаки у парня, как он шагнул к нему... Вот, ей Богу, чуть не обделался Ныка со страху слабым испаванным, уработанным кишечником. Но девчонка повисла на локте парня: «Гриш, не связывайся! У таких всегда нож за пазухой...» Он и сник, опустил глаза. Ссыкло.

Ножа у Ныки не было: он что, совсем ушлёпок? При первом шмоне за ношение холодного оружия навесят то, чего было и не было... Но он, довольно ослабившись голыми дёснами, сунул худую слабую руку глубоко в карман и даже оттопырил: будто там и в самом деле чего водилось. Навёл палец на малыша: «Пу!»

Эх, видел бы кто в этот момент Ныку! Он, не глядя, брякнулся на скамью, вертя головой на тощей жилистой шее: кого ещё поддеть. Аллея испугалась Ныки – и опустела, вымерла.

– Кого я ви-ижу! Ныка своей персоной! – ласково пропел знакомый голос. На скамейке, хозяйски разбросав гориллы лапы, широко расставив ножищи, сидел вонючий бомжара.

Типун на язык Ныке! Это с точки зрения окружающих тот был бомж – а в бараке носил крепкое, покойное, нейтральное звание «*мужик*». И кличку имел подходящую, достойную: *Земеля*.

Сегодня утром Ныка оказался с ним в одном автобусе. Там, как того требовал уголовный этикет, работая локтями, он должен был со скоростью пули пробиться в другой конец салона и панически выпрыгнуть на первой остановке.

Чего не сделал, а, вопреки иерархической лестнице, передал через него кондукторше горсть чьих-то пассажирских пятак. Коснулся мужика *неприкасаемой осквернённой* рукой. Да нечаянно он, святой истинный крест! Не видал, не видал он Земелю!

Хмельной воздух свободы сыграл с Ныкой, как с профессором Плейшнером, злую шутку. И теперь, вскочив со скамьи как ужаленный, разом съёжив плечи, слишком узкие для пиджака, покорно ждал своей участи.

– Не парься, Ныка, – великодушно снизошёл знакомец. – Моли боженьку, чтоб никто из наших твоего косяка не видел. А я – могила. Швейцарский банк. С тебя причитается. Давай дуй за водярой, пока тикает.

Ныка полетел к винно-водочному магазину, что называется, впереди собственного изображения. Пиджачишко, как парус, надувало ветром.

... Как славно начинался день и как паршиво для Ныки кончился. Пацан, с кем перетёр насчёт ночлега – внезапно и безнадежно исчез из зоны доступа. И эта роковая встреча с Земелей в автобусе, потом на скамейке – ни к чему хорошему не приведёт... У эков своё государство в государстве. И ещё неизвестно, чё крепше – так-то вот. Весточки, особо такого щекотливого, деликатного свойства, типа Ныкиной оплошности, разлетаются быстрее шуганных воробьёв.

Особенно бесила чернявая прошмандовка в винно-водочном, отказавшая продать водку. Подбоче-енилась стоит. По морде видно: доставляет удовольствие издеваться над Ныкой.

И мучило недоумение: зачем она так?! Ведь выгодно ей, старой манде: наоборот, прибыль. В данном вопросе у продавцов что-то вроде солидарности со страждущими. А этой – то ли вожжа под хвост, то ли моча в голову. Коза крашенная. Старая шкрыдла. Мужики мало дерут, небось, не хватает – вот и бесится.

Сейчас продавщица, небось, дрыхнет сладким предрассветным сном. В этом многоэтажном доме... Или в том. А Ныка плетётся, как бездомная собачонка. На автостоянке плотными рядами стояли понтовые навороченные авто. Не, ну почему одним всё, а другим вазелиновый член в задницу?! Взял и двинул ботинком по лаковой автомобильной дверце.

– Тиу-тиу-тиу! – с готовностью пронзительно завопила сигнализация. Получай, продавщица хренова! Ныка залез под грибок на песочнице, затаился – наслаждаться звуками.

Никто не выскочил с проклятиями на балконы и лоджии – высотный дом мёртво молчал. Терпила, ссыкла.

Но Ныка знал: это дом снаружи молчит. Там, внутри, в недрах тёплых сонных зашторенных спален, где-то заплакал разбуженный ребёнок. Взметнулась растрёпанная чувырла, продавщица. Какой-нибудь задохлик-пенс схватился за сердце и окочурился. Что, гады, вставил вам Ныка по это самое?

Через минуту автомобильные вопли заткнулись: хозяин отключил сигнализацию с пульта. Решил, что кошка. Ныка ещё посидел. Пускай законопослушные граждане задремлют, потеряют бдительность. И, уходя, подпрыгнул не хуже Джеки Чана, злорадно шарахнул ногой по стеклу другого автомобиля. И второго. И третьего.

– Яу-яу-яу!

– Ква-ква-ква!

– Плю-плю-плю! – разнообразно, заполошно заверещали машины.

Теперь можно тикать в кусты. Славная музыка, концерт для фортепиано с оркестром, век бы слушал. Хорошо! Улица – моя, дома – мои!

Уже были пройдены все стадии бессонницы. Сначала зевота и недоумение («Что-то сегодня не выспался»). Потом хроническая тяжесть, отрешённость и мучительное желание рухнуть и уснуть на месте. И, наконец, тупое лошадиное смирение и приспособление: жить и работать на автомате. Засыпать в ту же минуту, где присел и прилёг, и даже стоя – тоже как лошадь. Эти несколько перехваченных минут дрёмы были для Сергея Ильича равносильны тому, что для других часы полноценного сна.

Если бы существовал детектор бессонницы – подсоединённый к Сергею Ильичу, он бы издал дурной вой, замигал всеми разноцветными лампочками, задымился штекерами и проводками – и погас, умер.

Это при том, что работа Сергея Ильича требовала ясной головы и строгих и точных, как ход часовых стрелок, движений пальцев.

Он работал хирургом на две ставки. Ночные дежурства, экстренные операции – а таких оказывалось больше, чем плановых, бесконечные подмены... В последнее время хирургия всё больше приобретала женское лицо. А женщины – это декреты, дамские недуги, вечные бюллетени по уходу за детьми. Сергей Ильич хорошо понимал коллег: у самого росли дочки-близняшки.

Конечно, была дача, поездки в деревню к тётце. Но уверовавшие в золотые, волшебные руки молодого хирурга, родственники больных звонили в ночь-полночь. Вылавливали на даче, в деревне, из гостей в соседнем городе, со дна морского... Мужчины падали на колени, женщины рыдали: «Спасите доченьку (сынка, отца, мужа, брата)! Только вы, только вам...».

Нужно было не дёргать, избавить жену и тётцу от драматических, душераздирающих сцен коленопреклонения и лобызания. И Сергей Ильич на отдыхе потихоньку превратился в домоседа. Отправлял семью, сам оставался домовничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.